

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-116-138

УДК 141.2

КОГДА БОГИ УМИРАЮТ. ЗАВОЕВАНИЕ АМЕРИКИ В СВЕТЕ КОНФЛИКТА РАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Бургете Аяла Марина Рикардовна,
*научный сотрудник Института философии РАН,
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1
ORCID: 0000-0001-7741-9983
burguete@mail.ru*

Аннотация

Одной из причин «моментального» по историческим меркам завоевания, покорения и фактического уничтожения многомиллионных цивилизаций Нового Света послужило разрушение рациональной основы цивилизации, понимаемой как комплекс религиозных, космологических, философских воззрений и образовательных структур, обеспечивавших их поддержку. Наиболее показательным примером является цивилизация, традиционно называемая Империей ацтеков. Она оказалась первой на пути завоевателей и на тот момент была наиболее «живой», развитой и многочисленной. Парадоксально то, что именно на языке науа (общем для населения Центральной Мексики), не имевшем алфавитной письменности, до нашего времени дошло наибольшее количество текстовых источников, по которым мы можем судить о существовании у ацтеков сложной системы мировосприятия и религиозно-философского мышления, объединявшего в целостность все сферы жизни человека и общества. Записанные латиницей на языке науа или воспроизведенные на испанском языке свидетельства и рассказы уцелевших в первые годы конкисы носителей древнего знания, передававшегося в устной традиции, и уцелевшие пиктографические «книги» (кодексы) дают нам возможность оценить роль рационально-мировоззренческой составляющей в жизни народов, населявших Центральную Америку накануне завоевания.

Задача данной работы – обозначить точки конфликта двух цивилизаций в рационально-философской плоскости. Одна из сторон уже вступила на путь техногенного развития, вооружена «продвинутым» оружием и воинствующей монотеистической религией, имеющей ярко выраженные миссионерские устремления. Другая представляет собой традиционное общество, характеризующееся ярко выраженной «национальной идеей», основанной на религиозно-космологическом миропонимании; строгой социальной организацией; всеобщей системой образования; наличием чет-

ких законов, регламентирующих все сферы повседневной жизни, и астрономически выверенной системой исчисления лет и человеческих судеб.

Можно сделать вывод о том, что сильная сторона цивилизации – ее организованность и установленный порядок – оказалась слабым звеном, разрушение которого привело к распаду целостности. Разрушение основы, потеря высшего смысла – стержня этого отлаженного, действующего механизма – вызвало крах всей системы: религиозных ритуалов, хозяйственной организации, управленческих структур, образования, воспитания и повседневного уклада жизни.

Ключевые слова: конфликт цивилизаций, завоевание Америки, философия науа, миропонимание, образование, воспитание, мифопоэтика, рациональность.

Библиографическое описание для цитирования:

Бургете Аяла М.Р. Когда боги умирают. Завоевание Америки в свете конфликта рациональностей // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4, т. 2. – С. 116–138. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-116-138.

¹⁵ «Я приведу на вас... народ издалека,
народ сильный, народ древний,
народ, которого языка ты не знаешь,
и не будешь понимать, что он говорит.

¹⁶ Колчан его – как открытый гроб;
все они – люди храбрые.

¹⁷ И съедят они жатву твою и хлеб твой,
съедят сыновей твоих и дочерей твоих,
съедят овец твоих и волов твоих,
съедят виноград твой и смоквы твои;
разрушат мечом укрепленные города твои,
на которые ты надеешься».

Иеремия, гл. 5

Введение: победители и побежденные. Есть темы, в которых предрассудки массового сознания настолько сильны и укоренены в менталитете, что невозможно обойтись без предварительного разъяснения и предисловия. Особенно если предрассудки и штампы веками сознательно внедрялись и навязывались по обе стороны Атлантики, в Старом и Новом Свете. «К сожалению, до сих пор древнеацтекская культура и история чаще всего воспринимаются сквозь призму хрестоматийной “индейской экзотики”, которая, в свою очередь, почти всегда сводится к чудовищной оттачивающей практике человеческих жертвоприношений, достигшей у ацтеков, по словам отдельных раннеколониальных авторов, необычайно широких масштабов» [1, с. 2]. На рубеже XV–XVI вв. произошло событие, которое кардинально поменяло ход истории и привело к возникновению со-

вершено новой реальности. Уничтожив цивилизации, существовавшие на американском континенте, оно открыло для Европы новые горизонты развития во всех областях жизнедеятельности. Эпоха великих географических открытий и завоеваний наглядно продемонстрировала планетарную шарообразность Земли и положила начало геополитическому процессу глобализации, результаты которого переживаются все последующие столетия.

Существующие реконструкции и интерпретации, дополняя друг друга, воссоздают подробную и впечатляющую картину встречи двух миров, но всё же оставляют много вопросов. Один из них – *какие причины позволили в кратчайшие сроки и ничтожными силами в несколько сот человек завоевать и фактически уничтожить многомиллионную цивилизацию, обладавшую мощной государственной и военной структурой, построившую прекрасные города, создавшую уникальную культуру, владевшую глубокими научными и философскими знаниями?*

История открытия и завоевания Нового Света очень хорошо задокументирована и подробнейшим образом описана, но каждое время выдвигает свои аргументы в процессе ее осмысления, предлагает другие ракурсы и выявляет иные смыслы, так важные для понимания прошлого и решения проблем настоящего и будущего человечества. Мы имеем возможность оценить и сравнить точки зрения и тексты, принадлежащие как победителям, так и побежденным. Это тот самый случай, когда у каждого своя правда и в каждой версии есть доля истины. Не пытаюсь примирить эти две стороны, постараемся отыскать внутренние причины, позволившие реализовать «проект», который даже сейчас, спустя пять столетий, выглядит несуществующим.

Все современные исследования показывают, что «вторжение европейцев оборвало подъем, который еще ничего не успело замедлить... мир ацтеков едва достиг зрелости. Не содержа в себе ни примитивности, ни упадка, столица отражала в себе, как в зеркале, народ, который сохранил пламенную сплоченность, но, стоя на вершине империи, открывал для себя новые горизонты» [15, с. 66]. Цивилизация, с которой столкнулись европейцы на новом континенте, имела ярко выраженную «национальную идею», основанную на религиозно-космологическом миропонимании, строгую социальную организацию, всеобщую систему образования, четкие законы, регламентирующие все сферы повседневной жизни, и астрономически выверенную систему исчисления календаря и человеческих судеб. Почему же так прочно и разумно устроенный мир оказался таким уязвимым и хрупким и не смог устоять под натиском конкисты?

Попробуем ответить на вопрос о том, где находилась точка уязвимости, удар по которой привел к «мгновенному» завоеванию и таким катастрофическим последствиям. По моему убеждению, эту точку можно обнару-

жить в том, что можно назвать «рациональной основой мироустройства». Это сложный комплекс мировоззренческих религиозно-философских установок, которые обеспечивали жителям империи стабильный образ жизни.

Исторический контекст. В нашем распоряжении огромный фактический материал, представленный множеством документов и текстов, авторами которых являются непосредственные участники тех событий. Они помогают ответить на вопрос о том, *как* это происходило. Постараемся выделить в исторических обстоятельствах то, что кажется наиболее важным для ответа на поставленный вопрос.

Кто знает, как бы сложилась история, если бы не одна географическая ошибка? Если бы не она, вряд ли даже такие одержимые авантюристы и бесстрашные мореплаватели, какими были участники первой экспедиции Колумба, решились на это путешествие. Дело в том, что размеры земного шара (а в 1492 г. уже не было сомнений, что Земля круглая) были слишком приуменьшены. Колумб так и умер (в 1506 году), отказываясь признавать, что земля, которой он, наконец, достиг, вовсе не восточное побережье Индии. Появление в конце XV в. больших трехмачтовых кораблей позволило испанским и португальским мореплавателям преодолевать большие расстояния, перевозя на них большое количество людей, грузов и достаточный запас воды и пищи. Но всё же они не были рассчитаны на преодоление того громадного расстояния, которое пришлось преодолеть путешественникам.

В свое время Испания, а точнее, христианское королевство вестготов, находившееся на Иберийском полуострове, была завоевана арабами в рекордно короткие сроки и с минимальными потерями. На реконкисту ушло 800 лет! После объединения Испании христианский энтузиазм, консолидировавший нацию всё это время, нашел новую миссию – обращение в католическую веру варварских заокеанских племен. Не зря конкисту часто называют «последним крестовым походом». На фоне «богомерзкого» идолопоклонства индейцев даже самый закоренелый грешник, носящий крест, казалось, обретал моральное право на любые действия, а дарованные короной имущественные и юридические права полностью развязывали завоевателям руки. Введенные спустя некоторое время ограничения и законы не могли удержать рвущихся к наживе и власти завоевателей.

В 1519 г. Эрнан Кортес с сотней матросов на 11 кораблях, погрузив на них 508 солдат, 16 лошадей и 14 небольших пушек, нарушил приказ губернатора Кубы и отправился на завоевание Мексики, о несметных богатствах которой было известно благодаря предыдущим экспедициям.

Первым на пути завоевания оказалось государство, бывшее основной политической, военной и духовной силой на территории Мексиканского нагорья и традиционно называемое Империей ацтеков. Ее населяло на

тот момент, по разным подсчетам, около 25 млн жителей. Могущественная Тройственная Лига, в которую входили города-государства Теночтитлан, Тескоко, Тлакопан, подчинила себе большую часть Мексики. Порядка 40–50 более мелких городов сохраняли относительную автономию, находясь в политической зависимости от Лиги и сохраняя при этом значительную самостоятельность в вопросах внутреннего управления [1, 5, 14]. Несмотря на бесконечные внутренние противоречия, Империя ацтеков обладала огромной властью и вела постоянные войны, подчиняя всё большее количество племен.

Вряд ли Кортес имел возможность глубоко проникнуть в политическую систему управления страны, богатствами которой стремился овладеть. Зато им были использованы все возможности: техническое превосходство (наличие огнестрельного оружия и транспорта – индейцы не знали колеса и лошадей), личное обаяние, абсолютное пренебрежение моральными принципами (обман, вероломство) и сложно прогнозируемый человеческий фактор. Убедив выступить на своей стороне вождей более мелких народов, недовольных ацтекским господством, Кортес многократно увеличил свое войско и этим обеспечил себе быстрые военные успехи. Завезенные из Старого Света возбудители болезней, своего рода «бактериологическое» оружие, безжалостно убивали не обладавшее иммунитетом местное население. По оценкам исследователей, население Центральной Мексики сократилось за сто лет, последовавших за завоеванием, до одного миллиона человек.

Когда выделяют «четыре лика конквисты»: завоевание и связанный с ним грабеж, открытие и исследование новых земель, освоение покоренного пространства (колонизация) и христианизация индейцев [9, с. 15], то делают это с точки зрения целей, поставленных «программой» экспансии европейской цивилизации на Запад. Эти цели ставили те, кто вышел в этой войне победителем. Вне поля зрения остаются интересы, стремления и чувства тех, для кого «Запад» был исконным местом обитания, – они оказались побежденными.

Если цели завоевания земель, разрушения городов и присвоения материальных благ можно оценить как однозначно агрессивные и с современной этической позиции безусловно негативные, то стремление приобщить «отсталые» языческие племена к «высокой» культуре, «истинной» религии, спасающей заблудшие души, и к прочим благам более развитой цивилизации выглядит благими намерениями. Парадокс состоит в том, что установка была не на уничтожение, а на контакт с индейцами [9]. На розданных во владение вместе со всеми населявшими их жителями территориях была установлена система так называемых «энкомиенд», и новым хозяевам земель вменялось в обязанность заботиться о своих подопеч-

ных [9, 25, 27]. Составляющей этой «заботы» была миссионерская деятельность, направленная на привлечение индейцев в лоно католической церкви и получение новых подданных для испанской короны. Фактически это была та же война, только облаченная в мирные одежды.

К вопросу об источниках. В любом исследовании такого рода проблема источников имеет первостепенное значение. Этой теме посвящена ставшая классической работа мексиканского исследователя Мигеля Леона-Портильи «Философия науа. Исследование источников» [10]. Как написал сам автор в предисловии к русскому изданию 2010 г., «совокупность свидетельств, детально описанных в этой книге, – убедительная основа для того, чтобы анализировать и оценивать философское знание народов науа в самых различных аспектах» [Там же, с. 22].

Парадоксально то, что именно на языке науа (общем для населения Центральной Мексики), не имевшем алфавитной письменности, до нашего времени дошло наибольшее количество текстовых источников, по которым мы можем судить о существовании у ацтеков сложной системы мировосприятия и религиозно-философского мышления, объединявшего в целостность все сферы жизни человека и общества.

Устная традиция сопровождала Кодексы – «материальные носители» ацтекской мысли, которые представляли собой некое подобие наших книжек-«раскладушек». Они писались либо на выделанной оленьей коже, либо на ацтекской бумаге, изготавливавшейся из агавы. Листы подклеивались друг к другу наподобие гармошки. Создававшие их писцы заслуженно считались художниками и были весьма уважаемыми членами общества. К сожалению, «конкиста стала трагедией и для пиктографических рукописей. В 1520 г. враги ацтеков и союзники испанцев, жители города-государства Тлашкалы, войдя в Тескоко, уничтожили библиотеку и архив с древними кодексами. Осада испанцами Теночтитлана в 1521 г. привела не только к ужасающим разрушениям в городе, но и к гибели хранилища с рукописями. В ходе активной христианизации местного населения происходило массовое сожжение кодексов как связанных с язычеством» [1, с. 4]. Есть свидетельства, что кодексы уничтожались и в доиспанское время, при смене власти, с целью «переписать историю»: «Хранилась их история. Но она была сожжена тогда, когда в Мехико правил *Ицкоатль*. Было принято решение, и мексиканские господа сказали: не подобает, чтобы все люди знали рисунки. Те, кто подчинены (народ), испортятся, и всё на земле станет неправильным, потому что в них содержится много лжи...» [10, с. 254]. Трудно удержаться от реплики «Ничего с тех пор не изменилось!».

Справедливости ради надо сказать, что какие бы цели ни преследовала католическая церковь на поприще конкисты, невозможно отрицать заслу-

ги католических монахов в деле сохранения свидетельств духовной культуры погибающей цивилизации. На тот момент они были единственными, кто действительно попытался понять, спасти и сберечь то, что еще не было уничтожено. Именно благодаря им мы имеем уникальные источники, хранящие бесценные сокровища древней культуры и свидетельства ее уничтожения.

Записанные первыми хронистами латиницей на языке науа или воспроизведенные на испанском языке свидетельства и рассказы уцелевших в первые годы конкисты обладателей древнего знания, как и сохранившиеся пиктографические «книги», дают нам возможность оценить роль научной и религиозно-философской составляющих в жизни народов, населявших Центральную Америку накануне завоевания.

Отдельно выделю одно имя – фрай Бернардино де Саагун. Этот скромный францисканский монах проделал поистине беспрецедентную работу. Ни до него, ни после никто не делал ничего подобного. Именно благодаря ему мы имеем возможность изучать тексты источников, в которых «точка зрения индейцев выражена ими самими на их собственном языке» [10, с. 31]. Саагун прибыл в Мексику в 1529 г., через 10 лет после Кортеса, когда непоправимое уже свершилось. И единственное, что оставалось, – это спасти то, что еще уцелело и что еще можно было спасти. Более 50 лет он посвятил сохранению духовного, научного и философского наследия мексиканской культуры. Именно благодаря его человеческому, научному таланту и подвигу мы имеем возможность «прикоснуться» к мысли науа, существовавшей не в форме традиционных текстов, а в виде устной традиции, сопровождавшей визуальные образы графического смыслового письма. Саагун был одним из тех немногих, кто, обладая необходимыми знаниями, выдающимися способностями и удивительной беспристрастностью, был способен проникнуть разумом и чувствами в глубину древнейшего знания.

Его методы сбора и обработки информации остаются уникальным научным опытом. Луис Николау Д’Олвер дает описание того, каким образом осуществлялся сбор материала: «После зрелого размышления и тщательного анализа Саагун составляет вопросник, “список”, как он говорит, всех общих положений, касающийся материальной и духовной культуры ацтекского народа... Затем собирает старцев, воспитывавшихся во времена древней империи и живших в ней в свои лучшие годы и, следовательно, способных знать традиции, и людей правдивых, чтобы не исказили эти традиции. Он просит их отвечать в самой обычной для них форме, к которой они привыкли, – посредством их рисунков; при этом он старается вызвать повторение одних и тех же понятий, но различными оборотами и словами. Наконец, сравнивает и очищает информацию, сопоставляя

материалы, полученные в Тепепулко, Тлателолко и Мехико, а также используя “трехязычных” из колледжа Санта Крус, которые описывают на языке науатль содержание рисунков и дают одновременно их перевод на романский или латинский языки» [10, с. 33]. Результатом этой титанической работы был объемный труд «Всеобщая история о делах в Новой Испании». Немедленно в Испанию был отправлен донос об опасности возрождения индейских традиций и верований, после чего последовал королевский приказ незамедлительно уничтожить все тома книги, потому что «никоим образом нельзя допустить, чтобы писал кто-либо на любом языке о вещах, касающихся суеверия и образа жизни этих индейцев, потому что так нужно делу Бога – нашего Господина и нам» [Там же, с. 34]. Работа была опубликована только в начале XX века.

Варвары против варваров. Варварство – это не состояние, а отношение к чужаку, говорящему на непонятном языке, непонятно выглядящему и непонятно себя ведущему. Ключевое слово в данном случае – «непонятно». Именно так отнеслись друг к другу представители двух цивилизаций при встрече. Надо иметь в виду, что само понятие варварства было у тех и у других, и оно было тем немногим, в чём они совпадали. Говорят, что первое впечатление всегда самое сильное и верное. Посмотрим, каково оно было и насколько соответствовало действительности.

На континенте испанцы встретились с культурой, повергшей их в изумление, о чем они с таким восторгом писали в своих донесениях в Испанию, признаваясь в том, что они «такого никогда не видели и даже во сне не грезили ни о чем подобном» [15, с. 29]. Трудно было поверить в существование невиданной доселе культуры, а тем более оценить и понять ее. Они скорее поверили бы в то, что в джунглях живут циклопы или люди с песьими головами – во всяком случае, это было вполне ожидаемо.

Перед пришельцами предстали прекрасные огромные города, равных которым не было в Европе. «Гениальным сооружением ацтекских архитекторов и градостроителей была великолепная столица империи Теночтитлан, самый большой в то время город Америки, вероятно, и всего тогдашнего мира, его население было около 650 тыс. жителей» [14, с. 107].

Наиболее шокирующее негативное впечатление на испанцев произвели ритуал и масштаб человеческих жертвоприношений. Они же сослужили им в дальнейшем хорошую службу – давали беспроблемное оправдание собственной жестокости и любых преступных действий, тогда как «человеческие жертвоприношения у мексиканцев не вдохновлялись ни жестокостью, ни ненавистью. Это был их ответ (единственный ответ, который они могли себе представить) уязвимости мира, постоянно находившегося под угрозой. Чтобы спасти этот мир и человечество, нужна была кровь: приносимая жертва – не враг, которого убивают, а гонец, кото-

рого отправляют к богам и который сам облечен богоравным достоинством» [15, с. 133].

В свою очередь, у индейцев недоумение вызвало страстное стремление пришельцев заполучить как можно больше золота: «Они дали испанцам флаги из золота, флаги из перьев кецаля и золотые ожерелья. И когда они дали им это, лица испанцев выражали счастье, они возрадовались и были в восхищении. Словно обезьяны, хватали они золото, раскачиваясь от удовольствия, как будто оно их преобразило и озарило ярким светом их сердца. Поскольку ведь это истина – что они стремятся к нему с неизъяснимой жадью. У них раздулось от него брюхо, они рвутся к нему, как голодные. Словно голодные свиньи, жаждут они золота. Они алчно выхватывают флаги из золота, размахивают ими из стороны в сторону, разглядывают их с одной и с другой стороны. Они как те, что говорят на варварском языке...» [28, р. 62]. В то же время ацтеков, страстных поклонников природной и рукотворной красоты, удивляла невосприимчивость европейцев к тому, что почиталось ими как истинно прекрасное.

Для индейцев пришествие бородатых светлокожих людей оказалось в некоторой степени ожидаемым. В работе «Видение побежденных», в которой собраны тексты индейского происхождения, относящиеся к конкисте, приводится восемь предзнаменований, явленных народу ацтеков накануне прихода испанцев [Там же, pp. 1–5]. Их описание дается в новой, недавно вышедшей работе В.Е. Баглай, посвященной таскакам [2, с. 278–282]. Все эти предзнаменования не обещали ничего хорошего, напротив, предвещали множество бед и несчастий. К сожалению, Мотекусума II не хотел им верить и каждый раз приказывал казнить предсказателей. И всё же то, что горстка незваных гостей сможет победить многомиллионный народ, не являлось индейцам даже в самых страшных пророчествах.

Непонятое. Насколько позволяет объем данной работы, обобщим выводы, сделанные многими исследователями относительно того, что представлял из себя к моменту начала завоевания комплекс воззрений и структур, составлявших рациональную основу ацтекского общества, какую роль он играл в поддержании целостности и жизнеспособности цивилизации.

Как бы парадоксально это ни звучало, их миропонимание базировалось на *научном знании*, основанном на астрономических наблюдениях, соответствующих уровню их возможностей. Эта традиция уходит в глубокую древность и связывается с *альмеками*, следы которых теряются задолго до начала конкисты. Благодаря им ацтеки имели точный календарь, не утративший актуальности до настоящего времени. Вся их личная и общественная жизнь была подчинена порядку, устанавливаемому на его основе [10, 14, 15]. «То, что характеризует мексиканскую космологическую мысль, является именно соединением традиционно ассоциированных об-

разов. Мир – это система взаимно отражающихся символов: цвета, времена, ориентированные пространства, светила, боги, исторические события – всё находится в некотором соответствии. Мы встречаем здесь не “длинные цепи рассуждений”, а взаимное и постоянное проникновение различных сторон единого целого» [10, с. 69].

Попробуем кратко сформулировать, из чего складывалась целостность миропонимания ацтеков, служившая основой их жизнедеятельности. Основным итогом и центральной космологической идеей науа была Легенда о Солнцах – эпохах, сменяющихся в результате катастроф. После разрушения каждого возникает новый мир. Таких эпох с сотворения вселенной *Ометотлем* – двойственным началом, источником созидания и жизни и обитающим на самом высоком из небес – было четыре. Четвертая эпоха закончилась в результате потопа, а все люди превратились в рыб. Боги решают еще раз создать Солнце. Приносят себя в жертву, бросаясь в огонь, но вновь взопевшее Солнце не движется. «Тогда боги сказали, как же мы будем жить? Солнце не двигается! И чтобы придать ему силы, боги пожертвовали собой и предложили ему свою кровь. Наконец подул ветер и, двинувшись, Солнце продолжило свой путь» [Там же, с. 125]. Именно из этой ключевой идеи: «Солнце и жизнь существуют благодаря жертве, лишь с помощью той же жертвы они смогут сохраниться» [Там же, с. 124] – берет начало понимание ацтеками своей сопричастности вселенной и осознание ими своей космической миссии.

Такое миропонимание, находившее подтверждение в наблюдениях за ежедневным восходом и заходом солнца и ночных светил, давало жителям доколумбовой Мексики осознание себя как части мира. Понимание высшего предназначения было связующим элементом, который пронизывал всю живую систему общества и культуры, выступал организующим моментом единого живого организма цивилизации. Это понимание определяло отношение ацтеков к жизни и смерти – своей и чужой. Как показала история, это сыграло свою роль в быстром трагическом исходе конкисты. Понимаемая таким образом реальность бытия ставила перед человеком задачу, для решения которой исторически сформировались два способа, обусловившие дуализм мышления. Содержательная и смысловая раздвоенность мышления при кажущейся противоречивости органически соединяет в единое целое две «программы действия» перед лицом гибели Вселенной. Их корни в историческом смешении двух традиций – воинственных кочевников и оседлых земледельцев, образовавших к концу XV в. единую нацию.

По способу постижения и выражения знания о мире и создания трансцендентальных философских смыслов *метафизическую составляющую* мышления науа можно оценить как высочайший уровень мифопоэтики.

Она связана с именем *Кетцалькоатля*. Область ее рассуждений – такие философские понятия, как потусторонность, двойственное творящее начало, мимолетность всего живущего, постижение истины. «Уже со времен тольтеков существовали глубокие мыслители, стремившиеся противостоять страху разрушения Вселенной в ее пространственно-временных рамках, создав исключительно метафизическую концепцию относительно божества и определенного существования потустороннего мира, о чем можно найти рассуждения и гипотезы во многих поэмах науа» [10, с. 140].

Другую составляющую можно назвать *философией действия*. Она предполагает активное вмешательство в дела этого мира, заключается в доктрине «цветущей войны» и связана с именем бога *Тескатлипоки*. «Но величие этого народа в том, что он принял мир таким, каким его представлял. Его пессимизм – деятельностный. Он выражается не в унынии и безволии, а в страсти священной войны, в служении богам, в сооружении городов, в расширении империй. Сталкиваясь с безжалостным миром, мексиканец не строил иллюзий, но действовал с неукротимой энергией, обустранивая потом и кровью хрупкую жизнь, которую на время даровали ему боги» [15, с. 150].

И если идея, делавшая ацтеков народом с особой миссией, в свое время помогла им создать свою империю и подчинить огромные территории, став объединяющим фактором, то, к сожалению, при внешнем вторжении и контакте с иной цивилизацией она сыграла скорее отрицательную роль, и как раз потому, что имела в миропонимании ацтеков слишком большое значение. Она «работала» (выполняла свою функцию консолидации общества) на систему только при условии соблюдения целостности всей системы. Условием ее жизнеспособности было принятие другими ее основополагающих установок. Пришедшие христиане имели свои эсхатологические представления. И хотя на тот момент конец света был ожидаем, космическая катастрофа в него не вписывалась. Их план действия и спасения был совершенно другим. Христиан XVI в., к какой бы из конфессий они ни принадлежали, заботило личное спасение, а совсем не общее благо, тем более добываемое такими жертвами.

Система обучения и воспитания повторяла ту же двойную схему, здесь выражавшуюся в противостоянии двух традиций и богов. Школы первого из двух типов, где преподавались «самые возвышенные элементы культуры науа», готовили жрецов и правителей (*калмакак*), школы второго – воинов (*тельпочкали*). Покровителем первых был *Кетцалькоатль* – бог самопожертвования, наук, искусства, ремесел и ветра, всего комплекса знаний и навыков высокой культуры тольтеков, наследниками которых считали себя ацтеки. *Тескатлипока* – бог воинов, покровитель военного искусства, представлял идеологию собственно ацтеков – воинствующего племени кочев-

ников, еще недавно бывших варварами. «Под масками этих божеств сталкивались две жизненные концепции: с одной стороны – жреческий идеал самоотречения, изучения небесных тел и знаков, созерцательной науки, целомудрия; с другой – идеал воинов, в котором упор намеренно делался на действие, сражение, коллективную жизнь, на преходящие наслаждения юности» [Там же, с. 207]. Их объединяла общая цель – «лица делать мудрыми, а сердца твердыми, как камень». В процессе воспитания и образования происходила передача традиции, из мальчиков и девочек готовились члены общества, осознающие свои повседневные задачи и высшее предназначение.

«Примечательно, что в ту эпоху у индейцев данной части Америки было принято всеобщее образование: любой мексиканский ребенок в XVI веке, каково бы ни было его социальное происхождение, обязательно ходил в школу» [Там же, с. 209]. Сравнивая обычаи молодежи науа до и после завоевания, Саагун приходит к следующему выводу: «То, что в минувшие времена индейцы сами управляли республикой, что они поклонялись богам, это и послужило причиной приведения дела воспитания в соответствие с нуждами людей; именно поэтому юноши и девушки воспитывались в большой строгости, причем не в доме родителей, поскольку они были не в состоянии подобающим образом воспитывать их, а под присмотром внимательных и строгих учителей. Отдельно юноши и отдельно девушки. Там их учили почитать богов, подчиняться и служить республике и ее правителям» [Там же, с. 248]. Так в школах закладывалась моральная и юридическая основа норм общества. Б. Саагун пишет: «Такой образ действия вполне соответствовал... моральной философии, которой практически обучались местные жители; чтобы жить нравственно и добродетельно, необходима была строгость, воздержанность и непрерывные знания в делах, полезных для республики» [Там же, с. 249].

Весь комплекс миропонимания превращался в строгие предписания, регламентировавшие всю жизнь от рождения до смерти. Он распространялся на всю социальную и повседневную жизнь общества и каждого человека, действуя в законах, порядках, установлениях образа жизни, невероятно упорядоченного и рационального. Даже для войны были свои строгие правила – от ее объявления до заключения мира. Привычная логика ведения войны была бесцеремонно нарушена испанцами – у них были свои «правила», изменявшиеся по ходу «игры». Это обескураживало ацтеков и во многом сказалось на исходе кампании.

В миропонимании науа возвышенность оснований не вступала в противоречие с приземленностью законов. Метафизические сомнения в возможности постижения истины на земле, размышления о мимолетности существования или озабоченность судьбой Вселенной не мешали строго ис-

полнять законы и предназначения, основанные на астрономических наблюдениях, вычислениях и предсказаниях. «Со своими сильными сторонами и слабостями, с идеалом порядка и жестокостью, зачарованные таинством крови и смерти, чувствительные к красоте цветов, птиц и камней, набожные до самоубийства, невероятно практичные в организации своего государства, привязанные к своей земле и своему маису, но в то же время беспрестанно глядящие на звезды, жители древней Мексики были цивилизованными людьми» [15, с. 282].

Был ли возможен диалог? Трудно сказать, что было сложнее: постичь логику рационального мышления с помощью образного, или понять смыслы, содержащиеся в литературном творчестве, в форме которого существовала религиозно-философская составляющая миропонимания ацтеков.

Способны ли были европейцы XVI в. в принципе пробраться сквозь строй поэтических метафор и понять глубокий философский смысл идейного наследия науа? Хотя XVI в. вошел в мировую историю как Золотой век испанской культуры, наивно было бы полагать, что испанцы явились в Новый Свет как носители идей гуманизма и Возрождения. Их действия нельзя оценивать однозначно, поэтому одинаково оправдано существование как «черной», так и «белой» легенды конкисты.

Как бы ни относились индейцы к предлагаемому европейской цивилизацией способу мышления и мировосприятия, многие из них проявляли выдающиеся способности в различных областях науки и искусства, о чем свидетельствовали сами испанцы. Многие из них, особенно в первые десятилетия, получив образование в открытых испанцами школах, оказались носителями обеих культурных традиций. Это обеспечивало не только перевод с языка науатль на испанский наследия народа, но и позволяло транслировать смыслы с языка мифопоэтики на рационалистический язык европейского дискурса. Им принадлежит заслуга в создании многих хроник и переводов, благодаря которым сегодня мы имеем возможность рассуждать о некогда существовавшем древнем знании.

Известный мексиканский философ середины XX в. Самуэль Рамос, анализируя этот период истории с точки зрения социальной психологии, видит одну из причин в психологических особенностях индейской нации. «Они дали покорить себя, возможно, потому, что их дух был предрасположен к пассивности. До завоевания индейцы были противниками любых изменений. Их жизнь была привязана к традициям и обычаям, они были консерваторами и рутинерами. В недрах их культуры было запечатлено стремление к неизменному» [24, с. 45–46]. Подтверждение этому он находит в искусстве как в его малых формах, постоянно повторяющих один и тот же неизменный образец, так и в архитектуре, чьи мо-

нументальные формы призваны демонстрировать неизменность и незыблемость существующего порядка. Рамос называет эту черту, присущую жителям доколумбовой Америки, «египтицизмом». Именно она, по его мнению, делала мексиканского индейца невосприимчивым к цивилизации, но «не потому, что он ниже ее, а потому что он *отличен* (курсив автора) от нее. “Египтицизм” делает его несовместимым с цивилизацией, чей закон – становление» [Там же, р. 47]. С данным аргументом Рамоса можно не согласиться: образцы монументального искусства, дошедшие до наших дней, имели культовое назначение, были посвящены богам, и их грандиозность скорее отражала незыблемый характер мироздания. Легенда о «Солнцах» и смене эпох говорит о том, что древние мексиканцы прекрасно понимали, что на земле, где обитают люди, все подвержено изменению. И эпоха, в которую они жили и которую поддерживали жертвенной кровью, не просто так носила имя «Солнце движения», ведь прекращение движения означало завершение жизненного цикла. Мелкая керамическая или обсидиановая пластика, «сюжеты которой повторялись и делались по образцам», это всего лишь то, что сохранилось до наших дней.

Всё, что было уничтожено временем или переплавлено в золотые и серебряные слитки «высоко цивилизованными» европейцами, представляло собой уникальные произведения искусства. Альбрехт Дюрер, увидевший в 1520 г. кое-какие из подарков, присланных Карлу V, писал: «...За всю свою жизнь я не видел вещей, столь радующих сердце, ибо нашел в них восхитительное искусство и был поражен изощренным гением людей из других краев» [15, с. 102].

Рамос утверждает, что индейцам *a priori* приписывалось наличие духа, подобного духу белого человека, только отстающего в развитии. Их относили к младшим расам, к которым нужно относиться как к детям. Добавлю от себя, что такое по-доброму снисходительное отношение стало возможно только после публичных выступлений прогрессивно настроенных представителей католической церкви, таких как Бартоломе де лас Касас и Франсиско де Витория, который заявил: «Если варвары не хотят признать никакого господства, ни своего подчинения Папе, тот не имеет никакого права ни воевать с ними, ни овладевать их достоянием и территориями. Очевидно, что у него нет ни такого права, ни такой власти» [29, с. 91]. В целом в миссионерском порыве католическая церковь, вооруженная христианско-рационалистическим мировоззрением, покусилась не просто на обращение заблудших язычников в истинную веру. Ее целью было ни много ни мало «*Conquista espiritual*» – духовное завоевание [25]. Этот «проект» прекрасно обеспечивал «идеологическое сопровождение» основной задачи. Давая ответы с позиции «старшего», испанцы точно знали, *что* «лучше»

и как «должно быть», с чем уцелевшие представители интеллектуальной ацтекской элиты не могли согласиться.

Можно обозначить точку, после которой стало очевидно, что возврат к прежнему порядку невозможен и действительного согласия быть не может. В 1524 г. в Новую Испанию прибыли первые 12 францисканских монахов, и индейцы были поражены тем, с каким почтением сам Кортес встретил этих аскетического вида людей, одетых в потрепанные рясы и босых (францисканцы были нищенствующим орденом). Именно с этими носителями «новой мудрости» встретились представители правящей жреческой и интеллектуальной ацтекской элиты, уцелевшие после вторжения.

Документ, носящий краткое название «Беседы двенадцати», представляет для затронутой темы наибольший интерес. Сама беседа состоялась в 1524 г., и до 1564 г., как пишет во введении Саагун, ее запись «представляла собой груду бумаг и записок» [10, с. 38]. Ее полное название – «Беседы и христианская доктрина, с помощью которой двенадцать монахов Святого Франциска, посланные папой Адрианом Шестым и императором Карлом Пятым, обращали в свою веру индейцев Новой Испании», написана она на мексиканском и испанском языках. Только в 1924 г. ее поврежденная копия была найдена в секретном архиве Ватикана [22].

Ответ ацтекских мудрецов монахам-проповедникам с полным основанием можно назвать «декларацией несогласия». «Их задача показать, что образ мысли науа относительно божества может и должен уважаться, ибо действительно содержит богатое и возвышенное понятие о дарителе жизни и является твердой основой их строгих правил поведения и древней традиции» [10, с. 144]. Они призывают своих оппонентов: «Спокойно и дружелюбно рассудите, господа наши, что надлежит делать. Мы... до сих пор еще не верим, не считаем это правдой, даже если оскорбляем вас». В то же время пытаются поделить тем, что считают истинным знанием о Боге: «Пусть успокоится ваше сердце и ваша плоть, господа наши! Потому что мы немножко откроем секрет, сокровищницу Господина нашего [Бога]». Считая себя ответственными за судьбу мира («Перед вами находятся господа, правители, те, кто ведет мир и отвечает за весь мир»), они берут на себя окончательное решение: «Дайте же нам погибнуть, раз уже умерли наши боги...». Потому что «уже достаточно того, что мы потеряли, что у нас отняли, что нас лишили нашей власти». Последнее, что осталось, – это уверенность в истинности своих убеждений. Для ацтеков участь пленника может быть только одна – быть принесенным в жертву, и эта смерть не позорна. «Если всё останется так, мы будем лишь пленными. Делайте с нами что хотите» [Там же, с. 147].

Произошло разрушение целостности на самых глубоких сущностных пластах, без которых восстановление невозможно. «Созданный ац-

теками образ жизни основывался на гармонии между действительным и должным. Ее разрушение привело к тому, что менталитет не выдержал постигнутого их недоумения и обрушившегося на их головы противоречия между тем и другим. Для цивилизации “метафор и чисел” наступил предсказанный конец света, не спасла и кровавая жертва, в которую пришельцы превратили целую цивилизацию. Видимо, жертва досталась иным богам!» [3, с. 296].

Сравнивая бедствия, постигшие народ Мексики, с предсказаниями пророка Иеремии о разрушении Иерусалима (приведенными в эпиграфе к данной работе), Бернардино де Саагун пишет: «То же, как по писанному, произошло у индейцев с испанцами, настолько раздавлены и разгромлены они сами и всё что у них было, что не осталось и следа от их прежнего облика. Они считаются варварами и людьми самого низшего сорта (тогда как по правде, в делах политических они на шаг впереди многих других наций...») [21, р. XXIV]. Картина разрушенного города Тлателолко в поэме, датированной 1524 г., выглядит как цитата из Апокалипсиса: «И всё это произошло с нами. Мы это видели и мы были поражены этим: этой плачевной и печальной участью мы были удручены. По дорогам разбросаны сломанные дротики, / Все усыпано волосами. / Дома стоят лишенные кровли, стены их покраснели. / Черви кипят по улицам и площадям. / По стенам размазаны мозги. / Воды покраснели, они как покрашены, / И когда мы пьем их, как будто мы пьем селитру...» [28, р. 80].

Что бы ни говорилось в оправдание произошедшего – произошло то, что произошло. Ответ на вопрос о том, было ли это результатом непонимания или «перебором» в достижении поставленных целей, уже ничего не исправит. Остается уповать на благоразумие последующих поколений и их способность извлекать пользу из «уроков истории».

Заключение

Можно видеть, что не только разрушение городов, физическое уничтожение населения, но и отрицание и уничтожение всего комплекса религиозных, космологических, философских воззрений и социальных и образовательных структур, обеспечивавших их поддержание, максимально ускорило крах цивилизации и закрепило необратимость этого процесса.

Разрушить храмы оказалось проще, чем заставить знающих истину и убежденных в своей правоте отказаться от своих знаний и убеждений, потому что для них утрата смысла жизни была равноценна смерти: «когда ученые унижены, кодексы сожжены, а скульптуры и дворцы превращены в груды бесформенных камней» [10, с. 328]. Можно сделать вывод о том, что сильная сторона цивилизации – ее организованность и установленный порядок – оказалась слабым звеном, разрушение которого

привело к распаду целостности. Разрушение основы, потеря высшего назначения – стержня этого отлаженного механизма, вызвало крах всей системы: религиозных ритуалов, хозяйственной организации, управленческих структур, образования, воспитания и повседневного уклада жизни. Перестав быть собой, ацтеки перестали *быть*. То, что, казалось, делало незыблемой многомиллионную цивилизацию, при контакте с внешним миром стало причиной ее краха. Сила обернулась слабостью, внутренняя организованность – неспособностью противостоять привнесённому извне хаосу. То, что обеспечивало целостность, послужило причиной развала. Невозможность поддерживать привычную систему образования способствовала прерыванию и прекращению традиции. В этом смысле можно согласиться с тем, что удивительная культура «метафор и чисел» была обречена на гибель при любом достаточно сильном внешнем воздействии.

Множество томов написано о том, как шел процесс приобщения индейского населения, выжившего после катастрофы завоевания, к благам европейской цивилизации, как европейские образцы переносились и приспособлялись к реалиям колониальной жизни. Заселение Новой Испании и освоение Американского континента создаст иной мир, который уже никогда не будет прежним ни для одной из вступивших в контакт культур. На обломках сотворенного рукотворного хаоса возникнет и сложится совершенно иная, новая реальность – хозяйственная, политическая, религиозная, духовная, культурная. Сформируется новый образ жизни, основанный на миропонимании и мироустройении, привнесённом из Старого Света и на несколько столетий полностью от него зависящий. То, что останется от собственных аутентичных культур, постепенно вытеснится в область ограниченной локальной значимости, фрагментарно сохраняясь в бытовых повседневных традициях, фольклоре. Их истоки затеряются в безвозвратно ушедшем прошлом, глубоко уходя в зыбкую область подсознания и исторической памяти. Понадобится несколько столетий, множество усилий и новых жертв, чтобы новая, теперь уже латиноамериканская, реальность отстояла свое право на самобытность и существование.

Заканчивая, приведу слова из старинной песни, сложенной задолго до прихода испанцев, известной из «Мексиканской хроники» Альварадо Тецоцомока. «Смерть, которую встретили наши отцы, братья и сыновья, пришла к ним не потому, что они были что-либо должны, или крали, или агали, не потому, что они совершили низость, а потому, что они стояли за достоинство и честь нашей родины и народа, за достоинство нашей мексиканской империи, за честь и славу нашего бога и господина Уитцилопочтли, за что им вечная память, честь и слава» [16, с. 17].

Литература

1. Баглай В.Е. Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй (доколониальный период). – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 432 с.
2. Баглай В.Е. Традиционные общества древней Западной Мексики: история, археология, этнография тарасков: монография. – СПб.: Лань: Планета музыки, 2017. – 616 с.
3. Бургете Аяла М.Р. Взгляд на завоевание Америки в фокусе взаимоотношения теории и практики управления // *Философия управления: методологические проблемы и проекты*. – М.: ИФРАН, 2013. – С. 286–302.
4. Бургете Аяла М.Р. Поэзия в поисках истины // *Культура и искусство*. – 2015. – № 4 (28). – С. 393–406. – doi: 10.7256/2222-1956.2015.4.14987.
5. Гуляев В.И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. – М.: Наука, 1972. – 278 с.
6. Гуляев В.И. Второе открытие цивилизации майя // *Вестник древней истории*. – 1991. – № 2. – С. 91–105.
7. Гуляев В.И. Под личиной ацтекского бога (испанское завоевание Мексики). – М.: Таус, 2006. – 312 с.
8. Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки / отв. ред. В.Н. Кутейщикова. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
9. Кофман А. Рыцари Нового света. – М.: Пан пресс, 2007. – 196 с.
10. Леон-Порталья М. Философия нагуа: исследование источников / пер. с исп. Р. Бургете, М. Бургете. – 2-е изд., перераб. и доп. авт. – М.: Постум, 2010. – 480 с.
11. Сел А. Философия американской истории: судьбы Латинской Америки. – М.: Прогресс, 1984. – 355 с.
12. Селиванов В.Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
13. Стингл М. Тайны индейских пирамид / пер. с чеш. О.М. Малевича; под ред. и с послесл. Р.В. Кинжалова. – М.: Прогресс, 1982. – 248 с.
14. Стингл М. Индейцы без томагавков / сокр. пер. с чеш. В.А. Каменской и О.М. Малевича; под ред. Р.В. Кинжалова. – М.: Прогресс, 1971. – 390 с.
15. Сустель Ж. Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания / науч. ред. и вступ. ст. Г.Г. Ершовой; пер. с фр. Е.В. Колодочкиной. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 287 с.
16. Alvarado Tezozómoc F. Crónica mexicana / prologo y selección de Mario Mariscal. – México: Universidad nacional autónoma, 1943. – 206 p.
17. Clavijero F.S. Capítulos de historia y disertaciones. – México: Universidad nacional autónoma, 1944. – 164 p.
18. Colloquios y Doctrina Cristiana con que los doce frailes de San Francisco, enviados por el papa Adriano VI y por el emperador Carlos V, convirtieron a los indios de la Nueva España. En lengua mexicana y española / edición facsimilar, introducción, paleografía, versión al náhuatl y notas de M. León-Portilla. – México: Universidad nacional autónoma, 1986. – 214 p.

19. *Larroyo Fr.* Historia comparada de la educación en México. – 5th ed., corregida y aumentada. – México: Porrúa, 1959. – 440 p.
20. *León-Portilla M.* Las literaturas precolombianas de México. – México: Pormaca, 1964. – 205 p.
21. *León-Portilla M.* Introducción general // *León-Portilla M.* Visión de los vencidos: relaciones indígenas de la conquista. – México: UNAM, 1959.
22. *Morales Fr.* Los coloquios de Sahagún: el marco teológico de su contenido // Estudios de Cultura Náhuatl. – 2001. – N 32. – P. 175–188.
23. Poesía indígena de la altiplanicie: divulgación literaria / selección, versión, introducción y notas de Ángel María Garibay K. – México: UNAM, 1952. – 212 p.
24. *Ramos S.* El perfil del hombre y la cultura en México. – México: UNAM, 1963. – 203 p.
25. *Ricard R.* La conquista espiritual de México. – México: Ed. JUS, 1947. – 557 p.
26. *Sabagún B. de.* Suma Indiana / introducción y selección de M. Magdaleno. – México: UNAM, 1943. – 197 p.
27. *Sierra V.D.* El sentido misional de la conquista de América / prologo de C. Ibarguren. – 3rd ed., corregida. – Buenos Aires: Huarpes, 1944. – 404 p.
28. Visión de los vencidos: relaciones indígenas de la conquista / introducciones y notas: M. León-Portilla; versión de textos nahuas: A.Ma. Garibay K. – México; UNAM, 1959. – 213 p.
29. *Vitoria Fr. de.* Relecciones de Indios y del derecho de la guerra. – Madrid: Espasa-Calpe, 1928. – 316 p.
30. *Zea L.* El Occidente y la conciencia de México. – México: Porrúa y Obregón, 1953. – 87 p.

Статья поступила в редакцию 02.05.2018 г.

Статья прошла рецензирование 11.06.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-116-138

WHEN THE GODS DIE CONQUEST OF AMERICA IN THE LIGHT OF THE CONFLICT OF RATIONALITIES

Burgete Ayala Marina,

Research Fellow,

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,

12/1, Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7741-9983

burguete@mail.ru

Abstract

One of the reasons contributing to the “instant” (according to historical standards) conquest, subjugation and actual destruction of the multimillion civilizations of the New World was the extermination of the rational basis of civilization, understood as a complex of religious, cosmological, philosophical views and educational structures, which provided their maintenance.

The most illustrative example is the civilization, traditionally called the Aztec Empire. It was the first on the path of the conquerors and the most “alive”, developed and numerous at that time. Paradoxically, that nowadays we can judge the existence of the Aztecs’ complex system of the world perception and religious-philosophical thinking that united all spheres of human life and society in integrity by texts in the Nahuatl language (common to the population of Central Mexico), which did not have alphabetic script. We have the opportunity to assess the role of the rational worldview in the lives of the peoples who inhabited Central America on the eve of the conquest by testimonies and stories of the conquistadors about the ancient knowledge transmitted by the oral tradition and the pictorial “books” that survived in the first years of the conquest. All these texts were recorded in the Nahuatl language (in the Latin script), or in the Spanish language.

The task of this work is to identify the points of conflict between the two civilizations in the rational-philosophical aspect. One of the parties has already stepped on the path of the anthropogenic development, armed with “advanced” weapons and a militant monotheistic religion, with pronounced missionary aspirations. The other is a traditional society characterized by a pronounced “national idea” based on the religious cosmological worldview, a strict social organization, a universal education system, the existence of clear laws regulating all spheres of everyday life and an astronomically verified system of calculating the years and human destinies.

It can be concluded that the strength of civilization i.e. its organization and established order, turned out to be a weak link, the destruction of which led to the disintegration of integrity. The destruction of the basis, the loss of the higher meaning, the core of this well-functioning effective mechanism, caused the collapse of the whole system: religious rituals, economic organization, administrative structures, education, upbringing and everyday life.

Keywords: the conflict of civilizations, the conquest of America, the philosophy of the Nahuas, the world outlook, education, upbringing, mythopoetics, rationality.

Bibliographic description for citation:

Burgete Ayala M. When the Gods die. Conquest of America in the light of the conflict of rationalities. *Ideji i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 4, vol. 2, pp. 116–138. doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-116-138.

References

1. Baglai V.E. *Atsteki: istoriya, ekonomika, sotsial'no-politicheskii stroi (dokolonial'nyi period)* [Aztecs: history, economics, socio-political system (pre-colonial period)]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1998. 432 p.
2. Baglai V.E. *Traditsionnye obschestva drevnei Zapadnoi Meksiki: istoriya, arheologiya, etnografiya taraskov* [Traditional societies of ancient Western Mexico: history, archeology, ethnography of Tarascans]. St. Petersburg, Lan' Publ., Planeta muzyki Publ., 2017. 616 p.
3. Burgete Ayala M.R. Vzgljad na zavoevanie Ameriki v fokuse vzaimootnosheniya teorii i praktiki upravleniya [A look at the conquest of America in the focus of the relationship between theory and practice management]. *Filosofiya upravleniya: metodologicheskie problemy i proekty* [Philosophy of management: methodological problems and projects]. Moscow, IFRAN Publ., 2013, pp. 286–302.
4. Burgete Ayala M.R. Poeziya v poiskakh istiny [Poetry in search for truth]. *Kultura i iskusstvo – Culture and Art*, 2015, no. 4 (28), pp. 393–406. doi: 10.7256/2222-1956.2015.4.14987.
5. Gulyaev V.I. *Drevneishie tsivilizatsii Mezoameriki* [The oldest civilizations of Mesoamerica]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 278 p.
6. Gulyaev V.I. Vtoroe otkrytie tsivilizatsii maiya [The second discovery of the Maya civilization]. *Vestnik drevnei istorii – Journal of Ancient History*, 1991, no. 2, pp. 91–105.
7. Gulyaev V.I. *Pod lichinoi atstekskogo boga (ispanskoe zavoevanie Meksiki)* [Under the guise of the Aztec god (the Spanish conquest of Mexico)]. Moscow, Taus Publ., 2006. 312 p.
8. Kuteishchikova V.N., ed. *Kontseptsii istoriko-kul'turnoi samobytnosti Latinskoj Ameriki* [Concepts of the historical and cultural identity of Latin America]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 200 p.
9. Kofman A. *Rytsari Novogo sveta* [Knights of the New World]. Moscow, Pan press Publ., 2007. 196 p.
10. León-Portilla M. *Filosofiya nagua: issledovanie istochnikov* [Nahuatl philosophy: studied in its sources]. 2nd ed. Moscow, Postum Publ., 2010. 480 p. (In Russian).
11. Zea L. *Filosofiya amerikanskoi istorii: sud'by Latinskoj Ameriki* [Philosophy of American history: the fates of Latin America]. Moscow, Progress Publ., 1984. 355 p. (In Russian).

12. Selivanov V.N. *Latinskaya Amerika: ot konkistadorov do nezavisimosti* [Latin America: from conquistadors to independence]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 176 p.
13. Stingl M. *Tainy indeiskikh piramid* [Mysteries of the Indian pyramids]. Ed. by R.V. Kinzhalov. Moscow, Progress Publ., 1982. 248 p. (In Russian).
14. Stingl M. *Indeitsy bez tomagavkov* [Indians without tomahawks]. Ed. by R.V. Kinzhalov. Moscow, Progress Publ., 1971. 390 p. (In Russian).
15. Soustelle J. *Povsednevnyaya zhizn' atstekov nakanune ispanskogo zavoevaniya* [The daily life of the Aztecs on the eve of the Spanish conquest]. Translated from French E.V. Kolodochkina. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. 287 p. (In Russian).
16. Alvarado Tezozómoc F. *Crónica mexicana* [Mexican Chronicle]. Prologo y selección de M. Mariscal. México, Universidad nacional autónoma, 1943. 206 p. (In Spanish).
17. Clavijero F.S. *Capítulos de historia y disertaciones* [History and dissertation chapters]. México, Universidad nacional autónoma, 1944. 164 p. (In Spanish).
18. *Coloquios y Doctrina Cristiana con que los doce frailes de San Francisco, enviados por el papa Adriano VI y por el emperador Carlos V, convirtieron a los indios de la Nueva España.* [Colloquies and Christian Doctrine with which the twelve friars of San Francisco, sent by Pope Adrian VI and by Emperor Charles V, converted the Indians of New Spain]. En lengua mexicana y española. Ed. facsimilar, introducción, paleografía, versión al náhuatl y notas de M. León-Portilla. México, Universidad nacional autónoma, 1986. 214 p. (In Spanish).
19. Larroyo Fr. *Historia comparada de la educación en México* [Comparative history of education in Mexico]. 5th ed., corregida y aumentada. México, Porrúa, 1959. 440 p. (In Spanish).
20. León-Portilla M. *Las literaturas precolombianas de México* [The pre-Columbian literatures of Mexico]. México, Pormaca, 1964. 205 p. (In Spanish).
21. León-Portilla M. Introducción general [General introduction]. León-Portilla M. *Visión de los vencidos: relaciones indígenas de la conquista* [Vision of the losers: indigenous relations of the conquest]. México, UNAM, 1959. (In Spanish).
22. Morales Fr. Los coloquios de Sahagún: el marco teológico de su contenido [Sahagún's colloquia: the theological framework of its content]. *Estudios de Cultura Náhuatl*, 2001, no. 32, pp. 175–188. (In Spanish).
23. *Poesía indígena de la altiplanicie: divulgación literaria* [Indigenous poetry of the high plateau]. Selección, versión, introducción y notas de Á.M. Garibay K. México, UNAM, 1952. 212 p. (In Spanish).
24. Ramos S. *El perfil del hombre y la cultura en México* [The profile of man and culture in Mexico]. México, UNAM, 1963. 203 p. (In Spanish).
25. Ricard R. *La conquista espiritual de México* [The spiritual conquest of Mexico]. México, Ed. JUS, 1947. 557 p. (In Spanish).
26. Sahagún B. de. *Suma Indiana* [Sum indiana]. Introducción y selección de M. Magdaleno. México, UNAM, 1943. 197 p. (In Spanish).
27. Sierra V.D. *El sentido misional de la conquista de América* [The missionary sense of the conquest of America]. Prologo de Carlos Ibarguren. 3rd ed., corregida. Buenos Aires, Huarpes, 1944. 404 p. (In Spanish).

28. Visión de los vencidos. Relaciones indígenas de la conquista [Vision of the vanquished. Indigenous relations of the conquest]. Introducciones y notas by M. León-Portilla. Versión de textos nahuas by Á.M. Garibay K. México, UNAM, 1959. 213 p. (In Spanish).
29. Vitoria Fr. de. *Relecciones de Indios y del derecho de la guerra*. Madrid, Espasa-Calpe, 1928. 316 p. (In Spanish).
30. Zea L. *El Occidente y la conciencia de México* [The West and the consciousness of Mexico]. México, Porrúa y Obregón, 1953. 87 p. (In Spanish).

The article was received on 02.05.2018.

The article was reviewed on 11.06.2018.